

Лутц Зайлер

КРУЗО

Т Е К С Т

Лутц Зайлер

Крузо

«WebKniga»

2014

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)3-12

Зайлер Л.

Крузо / Л. Зайлер — «WebKniga», 2014

ISBN 978-5-75-161419-5

«Крузо», первый роман известного немецкого поэта Лутца Зайлера, в 2014 году был удостоен главной литературной премии Германии. События романа происходят летом 1989 года на острове Хиддензее. Сюда приезжает студент Эд, переживший личную трагедию, в надежде снова найти себя. Сюда же, в пограничную зону меж свободой и несвободой, стекаются «потерпевшие крушение» — люди, чувствующие себя чужими, ненужными в социалистической Германии и стремящиеся покинуть ее. Встретив Крузо, Эд начинает понимать, что этот молодой парень со сложной судьбой всеми силами старается помочь «потерпевшим крушение», уберечь их от гибели. Между тем дело идет к воссоединению Германии, и крузовская система помощи, и опасные нелегальные побеги становятся не нужны...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)3-12

ISBN 978-5-75-161419-5

© Зайлер Л., 2014
© WebKniga, 2014

Содержание

Маленький полумесяц	5
Трабль	8
Мэтью	11
Вольфштрассе	13
Привокзальная гостиница	16
Остров	19
«У отшельника»	22
Комната	28
Луковица	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лутц Зайлер

КРУЗО

Шарлотте

Но возвращаюсь к моему новому товарищу. Он мне очень нравился...¹

Даниель Дефо. Робинзон Крузо

Маленький полумесяц

С тех пор как отправился в дорогу, Эд пребывал в состоянии обостренной настороженности, которое не позволяло ему спать в поезде. Перед Восточным вокзалом – в новом расписании поездов он назывался Главным – было два фонаря, один наискось напротив, у здания почты, другой над главным входом, где стоял развозочный фургон с включенным мотором. Пустынность ночи противоречила его представлениям о Берлине, но много ли он знал о Берлине? Вскоре он вернулся в кассовый зал и прикорнул на одном из широких подоконников. В зале царил такая тишина, что он услышал тарыхтение отъезжающего фургона.

Эду снилась пустыня. Издалека, от горизонта, приближался верблюд. Парил в воздухе, а четверо-пятеро бедуинов удерживали его, причем, кажется, не без труда. Бедуины были в темных очках и на него внимания не обращали. Открыв глаза, Эд увидел лоснистое от крема мужское лицо, да так близко, что поначалу не мог разглядеть его целиком. Мужчина, вернее старик, вытянул губы трубочкой, будто хотел свистнуть – или только что кого-то поцеловал. Эд мгновенно отпрянул, а поцелуйщик поднял руки:

– О, простите, простите, мне очень жаль, я не хотел... правда не хотел мешать, молодой человек.

Эд потер лоб, влажный на ощупь, и поспешно сгреб свои вещи. От старика пахло кремом «Флорена», каштановые волосы жесткой блестящей волной убежали назад.

– Видите ли, – вкрадчиво начал он, – я как раз переезжаю, переезд большой, а на дворе уже ночь, полночь, слишком поздно и так глупо, ведь из мебели на улице еще остался шкаф, вправду солидный, большой шкаф...

Эд поднялся, а старик меж тем показал на дверь вокзала:

– Тут совсем недалеко, рукой подать до моей квартиры, не бойтесь, пожалуйста, всего четыре-пять минут пешком, спасибо, молодой человек.

На минуточку-другую Эд воспринял просьбу старика всерьез. Тот теребил его за непомерно длинный рукав свитера, словно норовил увести.

– Ах, пойдете же, пожалуйста! – Он начал потихоньку сдвигать шерстяной рукав вверх, неуловимо, движениями, которые гнездились в самых кончиках его мягких, как сало, пальцев, и в конце концов Эд почувствовал на запястье легкие круговые потирания. – Ты же хочешь пойти...

Едва не сбив старикана с ног, Эд отпихнул его, во всяком случае отреагировал слишком резко.

– Уж и спросить нельзя! – проскрипел поцелуйщик, но негромко, скорее прошуршал, почти беззвучно. И пошатнулся он, казалось, тоже наигранно, как бы исполняя небольшой заученный танец. Прическа съехала на затылок, и в первую минуту Эда озадачило, как такое могло случиться, он испугался, увидев внезапно облысевший череп, который словно неведомый маленький полумесяц парил в сумраке кассового зала.

– К сожалению, у меня сейчас... нет времени. – Эд повторил: – Нет времени.

Быстро пересекая зал, он заприметил в каждом углу боязливые фигуры, которые мелкими знаками пытались привлечь к себе внимание, а одновременно как будто бы старались не афишировать свое присутствие. Один приподнял коричневую дедероновую сумку, показал на нее и кивнул Эду. Выражение лица добродушное, как у Деда Мороза перед раздачей подарков.

В «Митропе» пахло горелым жиром. Едва слышно пели неоновые трубки в витрине, где на электрогрелке стояли всего-навсего несколько чашек солянки. Кое-где из подернутого блекло-серой пленкой супа, точно скалы, выглядывали маслянистые кусочки колбасы и огурцов, от непрерывного притока жара они легонько двигались вверх-вниз, напоминая работу внутренних органов – или пульс жизни, думал Эд, перед самым ее концом. Рука невольно ошупала лоб: вдруг треснул, вдруг настала его последняя секунда?

В ресторан вошли транспортные полицейские. Фуражки блестели короткими полукружьями козырьков, вдобавок васильковый цвет форменных мундиров. С ними была собака, она опустила голову, будто стыдилась своей роли.

– Ваш билет, пожалуйста, и удостоверение.

Тем, кто не мог предъявить проездной документ, надлежало немедленно покинуть ресторан. Шарканье ног, передвижение стульев, несколько благоразумных пьяниц укывляли вон, молчком, словно им просто полагалось дожидаться этого последнего приглашения. До двух ночи вокзальная «Митропа» осталась почти без посетителей.

Эд знал, что так нельзя, ни под каким видом, но все равно встал и схватил один из недопитых стаканов. Стоя осушил его, залпом. Довольный, вернулся за свой столик. Это первый шаг, думал он, мне на пользу находиться в пути. Уткнулся лицом в сложенные на столе руки, в затхлость старой кожи, и мгновенно уснул. Бедуины по-прежнему возились с верблюдом, но тащили его не в одну сторону, а в разные, между ними, похоже, вообще не было согласия.

Приподнятая дедероновая сумка – Эд не понял, что она означает, но в конце-то концов он впервые ночевал на вокзале. И хотя уже почти уверился, что шкафа в действительности не существовало, воочию видел посреди улицы этот стариканов шкаф и теперь жалел – даже не самого старикана, а все, что отныне будет с ним связано: запах крема «Флорена» и маленький лысый полумесяц. Эд видел, как старикан доплелся до своего шкафа, открыл его и забрался внутрь вздремнуть, на миг он ощутил движение, каким тот свернулся калачиком и отрешился от мира, ощутил с такой силой, что охотно рванул бы следом.

– Ваш билет, пожалуйста.

Они проверяли его второй раз. Может, из-за длинных волос, а может, из-за одежды, из-за тяжелой кожаной куртки, доставшейся Эду в наследство от дяди, из-за мотоциклетной куртки пятидесятых годов, солидной вещи с огромным воротником, мягкой подкладкой и большими кожаными пуговицами, знатоки называли такие куртки тельманками (не прерзительно, наоборот, скорее в мифологическом смысле), вероятно, потому, что на всех исторических кадрах рабочий вожак изображен в очень похожей куртке. Эд вспомнил: странно бурлящие людские массы, Тельман на трибуне, его торс, то наклоненный вперед, то откинутый назад, его взлетающий в воздух кулак; всякий раз, когда он видел эти давние кадры, его охватывала растроганность, он ничего не мог поделать, рано или поздно набегали слезы...

Не спеша Эд достал маленький, уже помятый клочок бумаги. Под шапкой «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ» в клеточках из тонких линий были указаны пункт назначения, дата, цена и число километров. Его поезд отходил в 3.28.

– Что собираетесь делать на Балтике?

– Друга навещу, – повторил Эд. – Отдохну на каникулах, – добавил он, потому что на сей раз транспортный полицейский не ответил. Во всяком случае, говорил он твердым

голосом (тельмановским), хотя собственное «отдохну на каникулах» сразу же показалось ему совершенно неубедительным, прямо-таки нелепым.

– Каникулы, каникулы, – повторил транспортный полицейский. Он будто диктовал, и в сером ящичке рации, прикрепленной кожаным ремешком слева на груди, тотчас тихонько затрещало.

«Каникулы, каникулы».

Судя по всему, этого слова было достаточно; оно содержало все, что необходимо о нем знать. Все о его слабости и лживости. Все о Г., его страхе и беде, все о его двадцати неуклюжих стихотворениях из тринадцати сочинений, начатых сто лет назад, и все о подлинных причинах этой поездки, которых Эд и сам до сих пор толком не понимал. Он увидел централь, контору транспортной полиции, где-то на верхотуре, над стальной конструкцией этой июньской ночи, васильковую капсулу, застекленную, аккуратно выстланную линолеумом, пересекающую бесконечное пространство его нечистой совести.

Он очень устал и впервые в жизни почувствовал, что спасается бегством.

Тракль

Всего лишь три недели минуло с тех пор, как доктор Ц. спросил, не угодно ли Эду (именно так он выразился) написать дипломную работу о поэте-экспрессионисте Георге Тракле. «Быть может, позднее из этого даже получится нечто большее», – добавил Ц., гордый заманчивостью своего предложения, которое, очевидно, не будет сопровождаться добавочными условиями. И в голосе его не было ни особых ноток, ни тени сочувствия, какое не раз лишало Эда дара речи. Для доктора Ц. Эд в первую очередь был студентом, который мог наизусть прочесть любой из анализируемых текстов. Хоть он и забирался в самый дальний угол семинарской аудитории, а длинные, до плеч, темные волосы свисали ему на лицо, он все-таки порой говорил, торопливо, долго и четко продуманными фразами.

Две ночи Эд почти не спал, читая о Тракле все, чем располагала институтская библиотека. Литература о Тракле хранилась в последней из ряда узких проходных комнат, где читатель обыкновенно был один и никто ему не мешал. Рабочий столик стоял у окна, глядевшего на крошечный садик и уродливую, затянутую паутиной сараюшку на заднем дворе, где днем обретался институтский завхоз. Вероятно, он и жил там, об этом человеке каких только слухов не ходило.

Нужные книги стояли на самом верху, почти под потолком, без лестницы не обойтись. Не потрудившись сперва сдвинуть лестницу поближе к «Т» и «Тр», Эд поднялся по ступенькам. Неловко наклонился в сторону, начал вытаскивать с полки одну книгу за другой. Лестница заколебалась, стальные крючья, которыми она цеплялась за направляющую, угрожающе закрипели, однако ж осторожности у Эда не прибавилось, наоборот. Он еще больше наклонился в сторону Тракля, потом еще и еще немного. И вот тогда испытал это ощущение, впервые.

Вечером, сидя за письменным столом, он вполголоса читал стихи. Звуки каждого слова соединялись с картиной просторного, холодного ландшафта, который совершенно пленил Эда, – белый, бурый, голубой, сплошная тайна. Творчество и жизнь Георга Тракля – студента-фармацевта, военного провизора, морфиниста и опиофага. Рядом с Эдом, в кресле, накрытом простыней, спал Мэтью. Временами кот поворачивал ухо в его сторону, временами ухо вздрагивало, резко, несколько раз подряд, словно старое кресло находилось под током.

Мэтью – так его назвала Г. Она нашла котенка во дворе, в световой шахте, крохотного, мяукающего, комок пуха, не больше теннисного мяча. Часа два или три просидела на корточках возле шахты, в конце концов выманила его и принесла наверх. Эд до сих пор не знал, как Г. набрела на это имя, и уже никогда не узнает, разве что сам кот скажет, когда-нибудь.

Ничьей помощи Эд не принял. Посещал семинары и сдавал экзамены, от которых руководитель отделения, профессор Х., легко бы его освободил: сочувственный наклон крупной головы, добродушно-волнистые волосы, белоснежные и блестящие, и ладонь у Эда на плече, когда на институтской лестнице профессор отводил его в сторонку, а главное – бархатный голос, которому Эд с удовольствием бы покорился... Но со знаниями у него проблем не было. И с экзаменами тоже.

Все, что Эд в ту пору читал, запоминалось как бы само собой и слово в слово, каждое стихотворение и каждый комментарий, все, что попадалось на глаза, когда он в одиночестве сидел дома или за столиком в дальней комнате библиотеки, неотрывно глядя на сараюшку завхоза. Существование без Г. – оно было чем-то вроде гипноза. Когда он выныривал из транса, через некоторое время в голове жужжало прочитанное. Учеба была лекарством, успокаивала. Он читал, писал, цитировал и декламировал, и в какой-то момент изъявления сочувствия прекратились, предложения помощи умолкли, озабоченных взглядов не стало.

Причем Эд никогда и ни с кем об этом не говорил, ни о Г., ни о своей ситуации. Только находясь дома, он говорил, без конца что-то бормотал себе под нос, ну и, конечно, разговаривал с Мэтью.

После первых дней с Траклем Эд ходил только на занятия к доктору Ц. Лирика барокко, романтизма, экспрессионизма. Согласно учебному плану, такое не разрешалось. Ведь есть учет посещаемости, записи в зачетке. И доктор Ц. не сможет долго игнорировать сей факт. В известном смысле Эд пока что был как бы защищен. Редко случалось, чтобы кто-нибудь из однокурсников попытался взять слово вместо него. Предпочитали слушать его, робея и одновременно с восторгом, будто Эд какое-то экзотическое существо из зоопарка человеческих бед, окруженного вром боязливом почтении.

После четырех лет совместной учебы у всех в голове сложились определенные картины: Г. и Эд каждое утро рука об руку на парковке перед институтом; Г. и Эд и долгое, нежное, непрекращающееся объятие, пока аудитория медленно заполнялась; Г. и Эд и их ссоры вечерами в кафе «Корсо» (сперва из-за чего-то, потом – из-за всего), а после, поздно ночью, бурные примирения, на улице, на трамвайной остановке. Но уже после того, как ушел последний трамвай и домой надо было топтать пешком, три остановки до Раннишер-плац, а оттуда еще немного до дверей. А трамвай меж тем миновал последние повороты последнего рейса по городу, и ночь над Халле наполнял адский скрежет стальных колес, словно предвестье Страшного суда.

Эд – так его называла Г., иногда Эдш или Эде.

Временами (все чаще) Эд взбирался на лестницу, чтобы испытать то ощущение. Он называл его *пилотским*. Сперва дрожь и перестук крючьев. Потом пьянящий ток, содрогание, проникающее до мозга костей, в бедра, – напряжение отпускало. Он закрывал глаза и глубоко вздыхал. Был пилотом в кабине, висел в воздухе, на шелковой нити.

Возле сараюшки завхоза уже который день цвела сирень. Прямо из-под порога поднимался пышный куст бузины. Паутина в дверном проеме рваными ошметками покачивалась на ветру. Завхоз дома, думал Эд. Порой он видел, как тот бродит по своему одичалому саду или замирает в неподвижности, словно к чему-то прислушивается. В сараюшку он всегда входил очень осторожно, раскинув руки в стороны. И все равно уже при первом шаге раздавалось дребезжание – на полу сплошное море бутылок.

Один из слухов гласил, что завхоз защитил докторскую и некогда работал за границей, даже, говорят, «в нсе»². Теперь же он принадлежал к касте изгоев, живших своей жизнью, садик и сараюшка были частью другого мира. Эд пробовал представить себе, что этот человек ел на завтрак. Сперва картинки не получалось, но потом он увидел маленький камамбер («Рюгенский купальщик»), завхоз резал его кубиками, на один укус, на старой разделочной доске. Цеплял кусочки острием ножа и клал в рот, один за другим. Посторонним трудно вообразить, что одинокие люди вообще едят, думал Эд. Для него же самого завхоз был в эту пору единственным реальным человеком, одиноким и покинутым, как и он. На миг Эда захлестнуло смятение, показалось неясным, не с большим ли удовольствием он подался бы под защиту завхоза и его сараюшки, чем под крылышко доктора Ц.

В 19 часов институтская библиотека закрывалась. Вернувшись домой, Эд первым делом кормил Мэтью. Давал ему хлеб, порезанную ломтиками сосиску и немного молока. Раньше кормежкой занималась Г. Эд без устали заботился о Мэтью, но до сих пор так и не понял, что для выживания кошкам нужно не молоко, а вода. Вот его и удивляло, когда кот, стоило выйти за порог, рылся в гидропонном горшке с лимоном. Как вкопанный он замирал на кухне, слушая шорох. Легкий стук, с каким камешки сыпались из горшка на шкаф, а

---

² Несоциалистические страны. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

оттуда на пол. Он ничего не мог поделать, только слушал. Не верилось ему, что все это часть его жизни... что все это происходило именно с ним.

МЭТЬЮ

Потом, накануне его двадцатичетырехлетия, Мэтью пропал. Эд полночи читал, готовился к семинару доктора Ц. по Брокесу³: «Меж тем как я туда-сюда / под сенью дерева брожу...» В какой-то момент он заснул за столом. Утром пошел в институт, через Раннишер-плац до рынка и в направлении университета, по Барфюсерштрассе, то есть Босоногой. На этой узкой, темной улице располагалось «Мерзебургское подворье», куда Эд забегал перед занятиями выпить кофе. Перемазанный жиром текст на обороте меню (возможно, отрывок из старинной хроники) сообщал, что Барфюсерштрассе раньше называлась улицей Братьев, затем – Нищенствующих Братьев и, наконец, Босоногих, сиречь францисканцев, – странная деградация, приведшая Эда к солидарности с улицей.

Ближе к вечеру Мэтью по-прежнему отсутствовал, и Эд начал звать его. Сперва внизу, во дворе, потом из окна, однако так и не услышал короткого, укоризненного «мяу», каким кот обычно откликался.

– Мэтью!

Дворовый запах: словно вдыхаешь давнюю, уже заплесневелую печаль. Печаль из тлена и угля, что жила напротив, в полуразвалившихся сараях, ее непрестанно источали брошенные, навек погребенные вещи. В доме обитали преимущественно *бунайцы*, рабочие с химического завода «Буна», расположенного в южном предместье. Бунайцы – Эду запомнилось, что сами рабочие тоже называли себя этим словом, употребляли его естественно и не без гордости, так подчеркивают свою принадлежность к народу со славной историей, к племени, среди которого родился и можешь не сомневаться, что оно будет существовать еще очень-очень долго.

– Мэтью!

Эд постоял у открытого окна, прислушиваясь к крысам. «День рождения, мой день рождения...» – подумал он и снова начал звать Мэтью. Чтобы остаться невидимым, он погасил свет. Напротив, наверху косогора, распласталась длинная кирпичная постройка – дом престарелых. С тех пор как он звал, в окнах теснился народ. Он видел линиялые краски рубашек и вязаных кофт и седые волосы, поблескивающие в свете люминесцентных ламп, – стариков интересовало все во дворе, особенно ночью. Зачастую они гасили верхний свет не сразу. Эд видел лиловый отблеск гаснущих ламп и представлял себе, как они стоят там в потемках, вплотную друг к другу, и как задние дурным, спертым дыханием дышат в затылок впереди стоящим. Может, кто-нибудь из них видел Мэтью? И теперь они тихонько спорят (сперва тихонько, потом громче, потом опять приглушенно, чтобы не переполошить персонал), стоит ли доставить записку и каким образом.

Прошло два дня, а он все звал. Поначалу ему было неприятно звать во весь голос, теперь он никак не мог перестать. Каждый час по несколько раз кричал во двор, машинально, почти бессознательно, с холодным от ночного воздуха лицом, маской, прораставшей под корни волос. Сочувствие в доме иссякло. Распахивались и захлопывались окна, слышалась брань, по-халлевски или по-бунайски. В дверь звонили и молотили кулаками.

– Мэтью! Сосисочка, вкусное молочко!

– Пошел ты со своей сосисочкой, ботаник, дай поспать!

Июньский вечер дышал прохладой, но Эд не закрывал окно. Сам того не замечая, сперва чуточку, потом все больше и больше перегибался через низкий подоконник, безопас-

³ Брокес Бартольд Генрих (1680–1747) – немецкий поэт, известен своей религиозно-философской лирикой.

ности ради опоясанный железным прутом. Точно спортивную перекладину, обхватил ладонями ржавый прут и медленно свесился во двор:

– Мэтью!

Голос набрал объема, зазвучал чище и мощнее, низкое, звучное «у»:

– Мэтью-у-у!

В комнате, где-то далеко за спиной, приплясывали по линолеуму кончики ног, а вокруг последних отростков позвоночника растекалось *пилотское ощущение*, с совершенно неведомым, несравненным размахом. Возникло приятное оцепенение, нет, нечто много большее, наслаждение оцепенило его, от макушки до пяток...

– Мэтью-у-у!

Тело не то плыло, не то парило. Он упивался теплой, бархатистой окраской эха внизу, все чуждое там исчезло. Еще раз, осторожно, набрал воздуха, чтобы позвать, и сразу попал в нужный тон, связавший двор, и темноту, и окружающий мир Халле-ан-дер-Заале в одно мягкое, вибрирующее единство, куда ему хотелось окунуться, и сейчас он был совершенно к этому готов...

– Мэтью!

Словно от удара, Эд отпрянул назад, в комнату. Успел еще сделать два шага, потом колени подогнулись, и он рухнул на пол. Это был Мэтью, крик Мэтью. Возмущенный, обиженный вопль или визг, скрип несмазанного шарнира, двери меж этим и тем светом, которая резко захлопнулась и отшвырнула его назад из падения – первый, второй, третий этаж. В глазах было черно, пришлось глубоко втянуть и снова выпустить воздух, незаметно, будто дышит он не по-настоящему, будто вообще уже не дышит.

Немного погодя ему удалось отнять ладони от лица. Взгляд упал на открытое окно.

Кот затаился.

Его там не было.

Когда Эд засыпал, над ним склонилась Г. Была совсем близко и пальцем показывала на свой приоткрытый рот. Губы она при этом растянула в стороны и прижала кончик блестящего язычка к нижним зубам, стоявшим у нее чуть косо, как шибер снегоочистителя: «Мэтью, скажите: Мэ-тью».

Он попробовал увильнуть и спросил, у всех ли учительниц английского во рту такой маленький снегоочиститель, куда так ловко забирается язык.

Г. покачала головой и сунула палец ему в рот.

«Эдгар Бендлер, так вас зовут? Эдгар Бендлер, двадцати четырех лет? Что с вами, Эд? Думаете, дефект у вас врожденный? Тогда скажите *thanks*».

«Thanks».

«Скажите *both of us*».

«Both of us».

Палец у него во рту шевельнулся и объяснил ему все. Все, с чем у него непорядок.

«И еще разок *both of us*, а потом сколько хотите, будьте добры».

«Both, both...»

Недвижный, как маленький черный сфинкс, Мэтью замер подле кровати, чтобы немного понаблюдать, как он медленно, медленно входил в Г., так, как она любила, миллиметр за миллиметром.

Вольфштрассе

Если говорить точно, то его проживание на Вольфштрассе, 18 было не вполне законно. В кирпичной постройке, посеревшей от ежедневных выбросов двух огромных химических заводов, он снимал жилье у одной субарендаторши, как своего рода субсубарендатор. В минимум столетней истории найма этой квартиры были и другие субаренды, кое-как скрепленные самодельными, зачастую рукописными договорами, инвентарными описями или соглашениями об использовании подвала и обязательными договоренностями касательно пользования туалетом, о которых никто уже не помнил. Вдали от жилищных управлений и процедур централизованной сдачи внаем за долгие годы выросли целые деревья субарендных взаимоотношений, но уже через два поколения съемщиков предшествующие жильцы мало-помалу терялись из виду. Вскоре оставались лишь их фамилии, собранные на почтовых ящиках и дверях, словно поблекшие и исцарапанные гербы далеких городов на долго странствовавшем багаже. Да, так оно и есть, думал Эд, кочуешь по свету в квартирах, как *стареющий багаж*.

Целый день он в полузабытьи бродил по городу. Ужас все еще гудел в голове, и его мучил стыд, в каком-то смысле из-за вопроса, прыгнул он или нет.

Он все стоял у своей двери, на серой крашеной древесине которой теснилось маленькое стадо пластиковых и латунных табличек. Думал о дедовой трости, которую от набалдашника до острия покрывали блестящие серебряные и золотые значки чужих городов. Позднее эта трость служила деду клюкой. В детстве, еще до школы, то есть в пору величайших открывательских экспедиций, Эд по-настоящему наслаждался, скользя пальцем по блестящим металлическим пластиночкам, от острия трости до набалдашника и обратно, снова и снова, туда-сюда. При этом он ощущал прохладу гербов и, поглаживая чужие города, разбирал, как мог, по буквам их названия, а дед его поправлял:

«А-а-шхх-н. Ашн!»

«М-мм-ме-мец, Мец».

«Шш-шт-штуу, Шштутт, Шштут...»

«Кк-к-кооп-ен-Коопеен...»

Города назывались Ахен или Копенгаген и были расположены в некоем потустороннем мире, во всяком случае, казались странно далекими, а может, и вовсе несуществующими; удивительно, однако Эд до сих пор сомневался в их существовании, вопреки рассудку. В конце концов эти значки сделали знакомую фигуру деда чужой и даже самого старика отодвинули вдаль, в давние времена, чью связь с настоящим восстановить уже невозможно. Сходным образом обстояло со Штенгелем, Кольпацким, Аугенлосом и Рустом – так гласили фамилии на Эдгаровой двери, пока что разборчивые. На листке бумаги над дверной ручкой виднелось его имя. Стоявшее ниже было тщательно стерто, но для него оставалось зримым, даже в полной темноте, даже без бумажки и без двери. Он тогда писал карандашом и аккуратно приклеил бумажку, которая успела пойти пузырями и пожелтела по краям.

– Моя странница-дверь, – прошептал Эдгар, поворачивая ключ в замке.

С одной стороны, всеислие ведомств и острый инструмент *Централизованного распределения жилой площади*, с другой же – никто в доме знать не знал, куда могли перебраться Штенгель, Кольпацкий, Аугенлос и Руст и существуют ли они вообще, что Эд мало-помалу начал считать добрым знаком.

Он открыл кухонный шкафчик, проверил свои скудные припасы. Большую часть отправил в мусорное ведро. Следуя интуиции, открыл печную заслонку. Схватил скоросшиватель с семинарскими записями последних недель, сунул в топку и поджег. Тяга хоро-

шая, бумага вспыхнула мгновенно. Эд взял второй скоросшиватель, потом третий, особо не выбирая. В комнате быстро стало тепло, шамотные кирпичи потрескивали. Он вытащил с полки серую мраморированную папку с писательскими набросками, положил возле печки. Немного погодя поставил папку на прежнее место и открыл окно. Это было искушение.

Весь день Эд прибирал в комнате, сортировал книги, скоросшиватели и листки, раскладывал в мало-мальском порядке, словно свое наследие. Заметил конечно же, что дорожит кое-какими вещами, «но только потому, что собрался уезжать», прошептал он. Так приятно нет-нет да и сунуть веточку тихо произнесенной полужафры в огонь, чтобы тусклый костерок его присутствия не совсем угас.

Мэтью так и не появился.

Мэтью.

Наутро Эд вытащил из печки зольник и отнес к общему ящику, прикрыв тряпицей, чтобы тонкие черные хлопья пепла не сдувало на ходу, – так его научил отец. С десяти лет он ходил с ключом на шее, а значит, вернувшись после обеда из школы, должен был протопить изразцовую печь. Помимо уборки в подвале и вытирания посуды печь относилась к числу его «маленьких обязанностей», как говорила мать. Почти все с ним связанное она называла уменьшительно – «маленькие обязанности», «маленькие хобби», «ты и твоя маленькая подружка». Такие вот мысли мелькали у Эда в мозгу (и он чувствовал на лбу жар смятения), когда он решил вправду никого не предупреждать. Эдгар Бендлер решил исчезнуть – фраза как из романа.

Он присел на корточки, подмел вокруг печки. Протер тряпкой пол, тусклые красновато-бурые половицы заблестели. А стоптанные ребра порогов и облезлые, затертые места почернели. Черные места задавали вопросы. Почему ты не прыгнул? Что здесь забыл? Ну? Ну? Эд старался ничего не задеть, переставлял ведро осторожно. Он уже чувствовал себя незванным гостем, чужим в давней, некогда собственной жизни, как крестьянин без земли. Услышав шаги за дверью, затаил дыхание. Прокрался на кухню, достал из шкафа мегалак⁴, глотнул. Что-то вроде известкового раствора для покрытия слизистых оболочек; с ранней юности он страдал повышенной кислотностью, только и всего.

Лишь под вечер Эд начал паковать сумку. Выбрал несколько книг, большущий коричневый блокнот, который временами использовал как дневник. Громоздкий, непрактичный, но – подарок Г. Подстилку Мэтью и его вонючую миску он отнес вниз, во двор. Разбитое окошко, секунда колебаний, – и все это полетело в темноту сарая.

В обувной коробке с открытками и планами городов нашлась довольно старая карта балтийского побережья. Кто-то по линейке подчеркнул названия некоторых населенных пунктов и синими чернилами обвел береговую линию.

– Вполне возможно, очень даже возможно, Эд, что это твоя работа, – пробормотал Эд. На самом деле он не мог сказать, каким образом эта карта попала к нему, может от отца.

На прощание он хотел поставить музыку, тихую, очень тихую музыку. Некоторое время, словно в трансе, стоял у плиты, пока не сообразил, что на конфорке пластинку не проиграешь. Конфорка не проигрывает.

Напоследок, прежде чем покинуть комнату на Волльштрассе, Эд вывернул из электрощитка предохранители и рядом поставил их на счетчик: один дорогой автоматический, с кнопкой, и два старых, уже посеребривших керамических. Секунду-другую сосредоточенно смотрел на блестящее колесико счетчика. Из-за тонких, гипнотизирующих насечек никогда толком не поймешь, вправду ли колесико не крутится. Эд вспомнил, как лет в тринадцать-четырнадцать мать впервые послала его одного на лестницу сменить предохранитель. Шумы в доме и их гулкое эхо, голоса из соседней квартиры, кашель наверху, дребезжа-

---

⁴ Лекарственный препарат.

ние посуды – этот мир затерялся далеко в бесконечности, когда он отложил в сторону старый предохранитель и страх обернулся неистовым соблазном. Эд видел, как указательный палец медленно, но неудержимо тянется к пустому блестящему гнезду, норовит ткнуться в него. Впервые он совершенно отчетливо и ясно осознал: под поверхностью, как бы за жизнью, царит вечный соблазн, искушение, какому нет равных. Чтобы отвернуться, требовалось твердое решение, и именно так Эд в тот день и поступил.

Он сунул ключ под коврик, а железную дверцу почтового ящика просто прикрыл; в случае чего на бунайцев можно положиться.

Привокзальная гостиница

Еще не сойдя с поезда, Эд почуял запах моря. Привокзальную гостиницу он помнил с детства (по единственной поездке на Балтику). Располагалась она прямо напротив вокзала, большой, красивый соблазн с эркерами, похожими на круглые башенки, и флюгерами, где даты рассыпались на кусочки.

Он пропустил мимо несколько машин, помедлил. Глупо, особенно если подумать о деньгах, – таково было возражение. С другой стороны, приезжать на остров во второй половине дня нет смысла, ведь тогда, наверно, не хватит времени, чтобы где-нибудь устроиться – если ему это вообще удастся. У него было около ста пятидесяти марок, если распорядиться ими экономно, можно протянуть три, а то и четыре недели. Девяносто марок он оставил на счету для перечисления квартплаты, до сентября вполне достаточно. Если повезет, никто к его исчезновению не прицепится. Ведь он мог и заболеть. Через три недели начнутся каникулы. Родителям он послал открытку. Для них он в Польше, в Катовицах, в так называемом Международном летнем студенческом лагере, как прошлый год.

Стойка администратора необычно высокая и совершенно пустая – ни бумаг, ни ключей. Впрочем, много ли Эд знал о гостиницах. Лишь в последнюю секунду из-за стойки вынырнули головы трех женщин, будто поршни четырехтактного мотора, у которого четвертая свеча не сработала. Не выяснишь в точности, из каких глубин вдруг возникли администраторши; может, высокая стойка соединена с подсобкой или за много лет эти женщины просто привыкли как можно дольше оставаться в укрытии, тихонько сидеть за своим барьером с темной обшивкой.

– Добрый день, я...

Голос его звучал устало. В одиночестве купе ему опять не удалось заснуть. Военный патруль, вероятно что-то вроде пограничного авангарда, реквизирует у него карту Балтики. Поезд долго стоял в Анкламе, наверно, там они и начали обход вагонов. Жаль, в голову не пришло ничего умнее, кроме как сказать, что, собственно говоря, карта не его... Стало быть, он не может знать и почему некоторые населенные пункты подчеркнуты, а определенные участки береговой линии обведены чернилами... Голос внезапно отказал, вместо этого гул в голове, Брокес, Эйхендорф и снова и снова Тракль, звучащий наиболее неумолимо со своими стихами из листвы и коричневого, вот почему Эд невольно схватился за голову. Жест неожиданный – и один из солдат машинально вскинул автомат.

В конце концов Эд, пожалуй, мог сказать: ему повезло, что они его не забрали. «Странный тип», – проворчал в коридоре солдат с калашниковым. У Эда лоб взмок от пота, мимо тянулись поля, почерневшая трава вдоль железнодорожной насыпи.

– Вы бронировали?

Впервые в жизни он остановился в гостинице. Чудо, что все прошло удачно. Эд получил довольно длинный формуляр на шершавой бумаге, у него попросили удостоверение. Пока он, кое-как водрузив локоть на высоченную стойку, неловко, не сгибая запястье, заполнял формуляр, администраторши по очереди листали его удостоверение. На секунду Эд безумно испугался, что его тайный отъезд могли по пути автоматически зарегистрировать, на последних, пустых страницах, под визами и путешествиями. *Самовольная отлучка* – когда он служил в армии, уже существовал такой маленький, роковой штемпель, влекущий за собой самые разные наказания.

– Извините, я в первый раз, – сказал Эд.

– Что? – переспросила администраторша.

Эд поднял голову, попробовал улыбнуться, но перебросить мостик не удалось. Ему вручили ключ, к которому короткой тесемкой был привязан лакированный деревянный

кубик. Он обхватил кубик ладонью, запомнив номер. Аккуратно выжженную цифру. И сразу же, как наяву, увидел гостиничного завхоза в его подвальной мастерской: тот сидел перед бесконечной вереницей тщательно напиленных, одинаковых по размеру, отшлифованных наждаком кубиков и раскаленным острием паяльника выводил цифру за цифрой, номер за номером. В свое время Эд тоже был рабочим, и по сей день какая-то частица его существа чувствовала себя как дома в мастерских, в берлогах *рабочего класса*, в тех подсобках мира, где вещи утвердили свой четкий, осязаемый контур.

– Третий этаж, лестница слева, молодой человек.

Возле лестницы, над одной из дверей, украшенных латунными накладками, поблескивала табличка – «Кофейная». На первой площадке Эд оглянулся; две из трех женских голов уже исчезли, третья женщина, провожая его взглядом, звонила по телефону.

Проснулся он в пятом часу. У изножия двуспальной кровати стоял бельевого шкафа. В углу телевизор на хромированной подставке. Над туалетом висел покрытый каплями конденсата чугунный бачок, явно принадлежавший давно минувшим временам. Рычаг смыва изображал двух дельфинов в прыжке. Пока животные не спеша возвращались в исходное положение, сверху низвергался бесконечный водопад. Эд слушал этот шум с удовольствием, испытывая дружеское чувство к дельфинам.

То, что он вошел в гостиницу, сумел спросить и получить комнату (без особых затруднений), наверняка надо отнести к немногим чудесам, которые куда уцелели, – «не-взирая-ни-на-что, не-взирая-ни-на-что», пропел Эд в струи душа. Со временем просто забываешь, что такие вещи существуют, по сути, уже и не веришь в них, забываешь, для чего вообще нужна жизнь. Так или примерно так думал Эд. Хотел было поонанировать, но не сумел сосредоточиться.

Справа от гостиницы было озеро с фонтаном, который регулярно устремлялся ввысь, потом опадал и на секунды исчезал. Парочка на водном велосипеде медленно скользила к фонтану. Когда Эд пересекал дорогу к озеру, его неожиданно охватило *доброе предчувствие*. Все это – начало чего-то. Некто, уже кое-что переживший, оказывается в состоянии... Тут фраза оборвалась. Он осознал, что запоздал с отъездом. Кольнула боль. Словно он только сейчас отходил от наркоза, миллиметр за миллиметром.

Мощная улица, ответвлявшаяся налево, называлась *Ан-ден-Бляйхен*, «У Белилен». Он миновал несколько обветшалых вилл, с зимними садами, дворами и гаражами. Подошел к одной из табличек со звонками – взглянуть на проделанный домом маршрут. Маленькая храбрая лампочка внутри таблички позволяла прочитать нижние, давным-давно, вероятно уже много лет назад, заклеенные фамилии. Продолжая путь, Эд пытался перенять их ритм: Шиле, Даме, Гламбек, Кригер... Бормотание обернулось мостиком через озеро, а его шаги по деревянному настилу служили как бы метрономом. «Те-что-у-мер-ли-дав-но...» – прошептал Эд и невольно провел ладонью по лицу... видят всё другими глазами? Впереди возникли старинная городская стена, арка и кафе под названием «Дом привратника».

Эд пересек Старый город, вышел к гавани, изучил расписание паромов. В киоске «Белого флота» купил билет на завтра. Вид кораблей наполнил его радостным восторгом. Ступени к набережной, светло-серый бетон, а дальше – море.

Чтобы поесть подешевле, Эд вернулся на вокзал. Он чувствовал себя отдохнувшим и взвешивал свои шансы. Укрытие в море, тайное море, Хиддензее... Он знал тамошние истории. Немолчный рокот омывал этот остров.

Эд тщательно жевал, крохотными глоточками прихлебывая кофе. Во-первых, так просто на паром не попадешь. Во-вторых, найти на острове жилье едва ли возможно, но *внутри границ* ни о каком другом месте даже речи быть не может. Конечно, от людей знающих он слышал, что, по сути, Хиддензее расположен уже за рубежом, экстерриториально, остров

блаженных, мечтателей и фантазеров, неудачников и изгоев. Были и такие, что называли его северным Капри, где все забронировано и раскуплено на десятилетия вперед.

В Халле Эд познакомился с историком, который всю зиму работал официантом в «Оффенбах-штубен», винном ресторане, где он и Г. несколько раз бывали, сидели в баре. Каждую весну, в начале сезона, Историк (так его до сих пор называли) возвращался на остров. «Наконец-то, наконец! – Так он восклицал, обращаясь к посетителям, которые снисходительно кивали, когда он приступал к очередному панегирику, по обыкновению именуя публику «Оффенбах-штубен» любезными друзьями. – На этом острове, любезные друзья, есть все, что мне нужно, все, о чем я всегда мечтал; уже когда он возникает на горизонте, с палубы парохода, его скромный хрупкий вид, его изящные очертания, а за спиной еще последний серый гребень суши, Штральзунд с его башнями, весь глубокий тыл с его мерзостью, ну, вы, любезные друзья, понимаете, о чем я... любезные друзья, едва остров возникает, как все это мгновенно забывается, ведь теперь впереди он, и начинается что-то новое, да-да, уже там, на пароходе! – восторженно рассуждал этот человек, седой, лет сорока пяти от роду, уволенный из университета, по собственному желанию, как говорили, и тем глубже погруженный в мечты; подобно многим соотечественникам-философам, он отрастил окладистую марксовскую бороду. – По сути своей, любезные друзья, свобода заключается в том, чтобы в рамках существующих законов придумывать свои собственные, быть одновременно объектом и субъектом законодательства – вот главная черта жизни там, на севере». Такой вывод делал Историк из «Оффенбах-штубен», прижимая к груди поднос с кувшинчиками вина.

Самая важная для Эда информация гласила, что рабочие места могут вдруг освободиться и в разгар сезона. Неожиданно ищут официантов, судомоев, кухонный персонал. Сезонники иной раз неожиданно исчезали, по самым разным причинам. Как правило, тут рассказчики умолкали, чтобы бросить взгляд на своего собеседника, а затем, смотря по ситуации, продолжить в одном из возможных или невозможных направлений: «Ясное дело, всегда хватает людей, которые сдаются, возвращаются на материк, они просто не созданы для такого». Или: «Знаешь, вдруг разрешают выезд, прямо в разгар лета...» Или: «Конечно, трудно поверить, пятьдесят километров, но хорошие пловцы всегда найдутся...» В конце всех разговоров Хиддензее казался узким клочком земли, осиянным мифическим блеском, последним, уникальным местом, островом, который уплывал все дальше, исчезал из виду, – надо поторопиться, если хочешь туда попасть.

Из ресторана Эд вернулся в гостиницу. Кто-то покопался в его вещах, но ничего не пропало. Он подошел к окну, глянул на вокзал. А в постели начал звать Мэтью – рецидив. Но звал очень тихо и только, чтобы еще раз перед сном услышать свой голос. Нет, голос не треснул.

Остров

Большей частью отказывали сразу. Кто-нибудь мимоходом бросал: «Работы нет!», да один-двое, подняв голову, смотрели Эду вслед, когда он вполголоса благодарил и торопливо уходил прочь, обхватив кулаком пропотевший ремень сумки из кожзаменителя.

С парома он сошел на севере и прошагал километров шесть на юг, потом повернул и проделал тот же путь в обратном направлении. Местами остров настолько сужался, что по обе стороны виднелась вода. Слева – серебряное море, справа – залив, как синее, почти черное стекло. Облака, казалось, плыли ниже обычного, и некоторое время Эд всматривался в их странно вытянутые очертания. Горизонт все еще расширялся, тогда как расстояние до неба сжималось, одно измерение сдвигало другое. В конце дня, когда он уже начал терять надежду, ему почти не составляло труда задать свой вопрос: «Не найдется для меня работы? Только мне нужно и жилье».

В трактире под названием «Нордерэнде» ему предложили марку и сорок пфеннигов в час за выполнение всяческой работы, как было сказано, «только без жилья». Чуть поодаль стояло несколько плетеных пляжных кресел, списанных за непригодностью. Эду понравилась выцветшая голубизна их тентов – цвет безделья, июля, солнца на лице. Пока меж ним и хмурым хозяином шел короткий разговор (для Эда первый на острове), мимо прошмыгнули двое здешних сотрудников, опустив голову, будто опасались остаться без места. На миг Эд еще задержался среди мусорных контейнеров и ящиков с напитками. Сам того не замечая, он принял смиренную позу попрошайки.

Когда Эд пошел дальше, один из сотрудников что-то крикнул ему вслед, в чуть приоткрытую дверь складского сарая, так что кричавшего он разглядеть не мог. Да и разобрал только слова «отшельник», а потом «Крузо, Крузо...», прозвучавшие будто секретное послание. Хотя, скорее всего, этот человек просто вздумал посмеяться над ним, упомянув стародавнюю историю о кораблекрушении.

Уже смеркалось, в домах зажигался свет. Тяжелая сумка все время вынуждала Эда слегка кособочиться. Слишком узкий ремень резал плечо, кожзаменитель растрескался. Наверно, лучше было бы сдать сумку на хранение, а еще лучше – спрятать у дороги, в кустах облепихи, думал Эд. Вопрос насчет работы он явно сформулировал неправильно, неправильно и глупо, будто посторонний, не из той же компании. Здесь народ имел работу, просить о ней не было нужды, тем более таким манером, от дома к дому, с истрепанной сумкой на плече. Работа, она вроде как удостоверение личности, ее тоже полагается предъявлять; неимение работы противоречит закону и потому наказуемо. Эд догадывался, что вопрос, в той форме, в какой он его задавал, просто не мог быть услышан, мало того, смахивал на провокацию. И, шагая дальше с тяжелой сумкой на плече, он сформулировал его иначе:

Может, вам понадобятся еще помощники в этом сезоне?

Главное – найти правильные слова.

По дороге через Кластер, самую северную деревню на острове, ему встретилось несколько отпускников. Недолго думая, он попросил у них пристанища. Они рассмеялись, будто он отпустил замечательную шутку, и пожелали ему «самой что ни на есть большой удачи». Он миновал порядок красивых деревянных домов довольно старой постройки. Какой-то мужчина в годах его отца обругал Эда с балкона, несколько раз резко взмахнув пивной бутылкой. По всей видимости, изрядно принял на грудь, чтобы сразу распознать *приезжего*.

– Вам не нужен помощник на кухне? У меня как раз есть немного времени.

От официанта «Оффенбах-штубен» (он повсюду высматривал окладистую бороду аля Маркс) Эд знал, что ночевать на пляже рискованно. Из-за пограничных патрулей. Они его

найдут, посветят спящему в лицо фонариками и допросят насчет плана побега. Находиться в пограничной зоне без пропуска или жилья запрещено. Контролеры на пароме особого интереса не выказали, тех, кто ехал ранним паромом, считали однодневными туристами. При расспросах важно уметь что-нибудь рассказать, назвать какое-нибудь имя, какой-нибудь адрес. Натуралист Герхарт Гауптман утверждал, что все островитяне носят фамилии Шлук и Яу, там вообще только эти две семьи: Шлук и Яу. Эд отнесся к этим фамилиям недоверчиво, звучали они неправдоподобно, надуманно. Да, такое возможно – в литературе, но не в жизни. В штральзундском порту он полистал телефонный справочник, выбрал фамилию Вайднер и записал на бумажке, которую аккуратно свернул и положил в карман: Семья Вайднер, Клостер, дом № 42.

«Вам случайно не нужны помощники в вашей столовой?»

Фраза совершенно деревянная.

И по нему не иначе как было видно, что он просто хочет спрятаться, просто исчезнуть, что, в сущности, он неудачник, выбит из колеи, развалина, в двадцать четыре года уже развалина.

Пляж не годится, остатки прибрежного бункера тоже. Детские страхи: вдруг кто-нибудь наступит ему, спящему, на голову, ненароком. Или вода вдруг поднимется, и он захлебнется. А в бункере, может, и крысы водятся.

С наступлением темноты Эд добрался до северной оконечности острова. К тому времени он успел дважды обойти все три деревни: Нойендорф, Фитте и Клостер. На щите, который он отыскал в гавани (странно опять очутиться там, где утром сошел на берег, много лет назад, так ему казалось), местность за деревней была обозначена как Бессинер-Хакен, орнитологический заказник.

Без ночевки под открытым небом теперь в его жизни никак не обойтись, в этом Эд был уверен, и правильно, что все началось вот так, невзирая на его страхи. У выезда из деревни – ветхий дорожный указатель с надписью «Радиологический институт». На холме вдали, за тополями, проступали очертания довольно солидного здания. Он прошел мимо большого сарая и мимо заборов, пропитанных отработанным машинным маслом. Возле дороги шуршал тростник, высокий, выше головы, так что воду он потерял из виду; в воздухе звенели вечерние крики гусей. Последний дом, поросшая мхом камышовая кровля. Огород напомнил Эду бабушкин: картошка, кольраби и астры. Дорога, небрежно вымощенная бетонными плитами, терялась на болотистом лугу.

Первая вышка походила скорее на кабину, этакий дом на дереве, превосходное укрытие, но, увы, на замке. Вторая вышка, поменьше, была не заперта, правда, шаталась, так что Эд невольно спросил себя, пользуются ли ею вообще. С трудом он затащил наверх свою сумку. Старался поднимать как можно меньше шума. Собрал немного веток, чтобы художественно забаррикадировать вход с лестницы на вышку. Когда он с несколькими трухлявыми сучьями взобрался наверх, по нему скользнул луч света. Как от удара, Эд бросился на пол, с размаху стукнувшись лбом о скамейку. И замер в неподвижности. Он тяжело дышал, чувял запах дерева, лоб болел. Тесная площадка вышки не позволяла вытянуть ноги. Он думал о «Золотой лихорадке», о человеке в снежной пустыне, которому в последнюю секунду удалось разжечь костер, последней спичкой, но потом... Немного погодя луч вернулся. Эд медленно встал и приветствовал маяк как старого друга, которого лишь на время потерял из виду.

– Может, тебе нужен помощник?

Маяк рывками развернул свой луч веером, потом снова сложил – вероятно, сказал «нет». Странно, как призматический световой палец мог высвечивать то один, то другой участок, а в следующую секунду замереть, будто наткнувшись на что-то поважнее бесконечного вращения по кругу.

– Я имею в виду, временный помощник, на этот сезон? – пробормотал Эд.

От своего плана еще раз пойти в деревню, перекусить в какой-нибудь харчевне он отказался. Ведь он еще не побывал на берегу. Но уже сам факт, что он здесь, на острове... Некоторое время он еще вслушивался во мрак окружающих джунглей, потом надел пуловер и куртку. Остаток вещей кое-как расстелил на дощатом настиле вышки. Ночь выдалась холодная.

«У отшельника»

Тринадцатое июня. Эдова вышка еще тонула в темноте, когда поднялся оглушительный шум. Птицы в заказнике проснулись и требовали дня, громким шумом, полным недовольства и обстоятельных, бесконечно повторяющихся жалоб. Еще до рассвета Эд покинул свой ночлег и направился в глубь острова, лицо было искусано насекомыми, лоб болел.

Прежде всего он разведает местность, а главное, подыщет укрытие получше или хотя бы место, где можно надежно спрятать на день сумку и вещи (тяжелую тельманку, пуловер). Не считая континентальных сказок и мифов, Эд мало что знал об острове, и о его географии, и о циклах погранпатрулирования и контроля. Пока что все казалось весьма обзримым: луга, пустошь и одна-единственная дорога, кое-как замощенная бетонными плитами, тут укрытия не найдешь. Зато лес и возвышенность на севере выглядят заманчиво.

Следующей ночью Эд устроился в одной из высоких впадин у подножия берега. Его пещера походила на широкую свежую расселину; обрыв раскрылся перед ним. Комаров нет, только вот из глинистого свода за шиворот капала вода. Море было черное и почти безмолвное, лишь равномерно повторялся шелковистый шорох в гальке меж прибрежных скал – словно кто-то лил воду на раскаленную плиту. Его пещера наполнилась множеством шорохов, которые Эд не умел определить. Над головой что-то шуршало, причем в *недрах глины*. А порой доносились вздохи или тихие стоны. Из заученных наизусть запасов всплыли стихотворные строки, гласившие, что мелкая ленивая балтийская волна подражает шепоту мертвых. Эти нашептывания раздосадовали Эда; если он отправился сюда всерьез (и действительно начнет все сначала), ему придется бороться с ними, и поэтому он снова попробовал мыслить самостоятельно.

Закрыв глаза и немного погодя увидел владыку балтийских волн. Большого, сутулого, да это же институтский завхоз. Он зачерпывал из моря воду и лил ее на свой костер на пляже. Вода испарялась, поднимался дым, а сам владыка становился все тоньше и прозрачнее. Под конец осталось только лицо. Оно улыбнулось Эду из песка, оскалив гнилые зубы, массу мидий в смоле и водорослях, и сказало: «Мое присутствие истекло».

Утром все вещи оказались отсыревшими, а по пляжу протянулся изящный нанос. Родниковая вода вылепила из глинозема блестящие кочки, по которым очень удобно шагать. В нескольких местах образовались запруды. Сперва неловко стоя на четвереньках (как зверь, с поднятым задом и вытянутой вперед мордой), а потом, растянувшись во весь рост, он попробовал попить. Хотя в такую рань – ведь едва рассвело – на пляже наверняка не было ни души, Эд чувствовал себя под наблюдением. Одной рукой он отводил назад длинные волосы, другой держал на расстоянии камни, которые норовили втиснуться между ребрами.

– Природа не сладкий мед, да уж, – пробормотал Эд; он передразнил голос отца и невольно хихикнул. Вот и вторая ночь позади.

Родниковая вода на вкус отдавала мылом и пахла чем-то забродившим. Он проследил нанос вспять, до самой расселины, расположенной рядом с его ночлегом. Оттуда неподвижно смотрел зверек. Лисица. Она охраняла источник и следила за Эдом, наверно уже давно.

– Напугала ты меня, плутовка, – прошептал Эд. Лиса не ответила, не шевельнулась. Голова лежала на передних лапах, как у собаки; взгляд был устремлен в море. Вырванный с корнем облепиховый куст затенял шкурку, которая выглядела очень свежей и живой.

– Хорошее у тебя тут местечко, старая плутовка, укромное. Комаров нет, свежая вода... Так или иначе, ты большая умница, верно?

Эд расстелил свои вещи на камнях, чтобы просушить, но тревога не давала покоя, и он опять собрал все в сумку. Хотелось есть, во рту неприятный привкус. Булочки, купленные в

Клостере у пекаря по фамилии Кастен, превратились в кашу. Он скатал несколько шариков, выжав из каши жидкость, похожую на сперму. Медленно прожевал, проглотил. Отъездная энергия иссякла, за глазами яблоками чувствовалась тянущая боль. Собственно, даже не боль, просто воспоминание об обгрызенных ногтях. Воспаленные ногтевые ложа и волокнистый, обтрепанный пластырь – ногти Г. Как долго я смогу продержаться таким манером? – думал Эд. Надолго ли еще хватит сил? Когда придется возвращаться?

– Ведь в этом нет смысла, старая плутовка.

Высокий скудный берег – никогда прежде он не видел ничего подобного. Промоины, выступы, этакий ледниковый ландшафт, гигантские извилистые языки суглинка и глины, стремящиеся в море. Одни участки покрыты растительностью, другие – совершенно голые, изборозжденные трещинами и морщинами, а рядом серые глинистые обрывы, из которых кое-где выступал череп циклопа, презрительно глядевший сверху вниз, на Эда. Но Эд вверх почти не смотрел, ему было не до циклопов, да и не до чего другого, чем могли показаться эти каменные глыбы. Опустив голову, он брел по каменистому пляжу и пытался поддерживать костерок своего монолога подбадриваниями и хорошими аргументами. Собственными словами.

Немного дальше к северу в прибрежном кустарнике внезапно открылась лестница. Бетонные блоки, которыми старались закрепить в песке ее стальную конструкцию, висели в воздухе, примерно в метре над землей. Когда Эд взобрался на нижнюю ступеньку, раздался высокий металлический звон. «Вот так начинает тихонько петь стальная обшивка тонущих кораблей», – прошептал Эд и замер; ржавое железо угрожающе качалось. В итоге Эд насчитал почти три сотни ступенек (каждая третья проржавела или раскололась), распределенных по разным участкам и уступам на пятидесяти-шестидесятиметровой скале.

Между соснами завиднелось светлое здание, по щипцам обшитое деревом. На первый взгляд оно напоминало миссисипский пароход, выброшенный на берег колесный пароход, который пытался через лес добраться до открытого моря. Вокруг стояли на якоре постройки поменьше, окружавшие корабль-базу как спасательные шлюпки.

Чтобы картина не улетучилась, Эд глаз с нее не сводил: от корабля почти до самого обрыва тянулась мощная терраса со столиками и садовыми стульями. Внешние ряды столиков были снабжены навесом и походили на кормушки для лесных животных. На шиферной доске у входа виднелась какая-то размашистая надпись, но Эд был еще слишком далеко. Слева от входа, над раздвижным окном деревянного выступа, относящегося к колесному кожуху парохода, висел жесткий маленький вымпел с надписью «МОРОЖЕНОЕ». Справа от него, посредине выступа, привинчена самодельная вывеска – «У ОТШЕЛЬНИКА».

Буква «У» щедро разукрашена завитушками, и на миг Эду представился живописец; он увидел, как тот получал заказ, как записывал название корабля и срок его «крестин». Эд совершенно отчетливо ощущал, сколько усилий потребовала эта первая буква, и его мгновенно захлестнуло чувство глубокой тщетности.

Чтобы убедиться в существовании третьего измерения, Эд медленно обошел вокруг здания. Пароход в стиле лесного домика. Щипцы позеленели от мха, из трещин в цоколе проступили селитряные корки. За первым домом обнаружился второй, чуть более современный, между ними двор, а дальше лес. Грубо говоря, комплекс состоял из трех концентрических кругов. В самой середине двор с двумя главными зданиями и еще одной терраской, заставленной, как в кофейнях, множеством кованых стульев, белых, в пятнах ржавчины. Во втором круге располагались постройки поменьше плюс два сарая и дровяной склад с колодой для колки дров. С севера двор выходил на прогалину, луговой склон, отлого поднимавшийся к лесной опушке, там виднелась тропинка, наверно ведущая к маяку, его старому другу. Посреди прогалины соорудили игровую площадку, со стенкой для лазания, качелями, песочницей и бетонным столом для пинг-понга. Секунду Эд удивлялся, что такая обычная

по всей стране детская площадка добралась и в это сказочное место, высоко над прибоем. Третий, внешний круг был обозначен невысоким забором, точнее, этакой изгородью из хвороста, аккуратно вплетенного между первыми деревьями леса. Всю территорию окружала плотная стена сосен и буков.

Эд не спеша прошелся по прогалине к берегу, глянул на море. Утреннюю влагу пронизывал мягкий, сладостный поток, хмельная смесь леса и моря. Туман еще не развеялся, горизонт молочно-размытый, его можно вдохнуть, если втянешь воздух поглубже; находишься как бы и здесь, и там, вдали, подумал Эд.

На холме, повыше детской площадки, неподвижно лежал какой-то человек – то ли мертвый, то ли спящий. Приблизившись, Эд услышал его, тот тихонько разговаривал с небом. Молится, наверно, подумал Эд, но слова звучали по-змеиному, как шипение, и в конце концов он разобрал:

– Сыпь отсюда, сыпь отсюда, сыпь...

В самом деле, было всего-навсего шесть утра. Эд уселся в одной из «кормушек», решил подождать. Он озяб, проголодался, почти не спал последние ночи. Тельманка отсырела и стала тяжелее любых доспехов. Но скамейка, стол и маленький навес дарили утешение – словно он уже не одну неделю провел в отлучке и вот сейчас возвращается из дебрей. Открыл сумку, чтобы выветрить сырость. Кой-какие вещи и книги вытащил и положил сушиться.

На окнах выступа, за которым наверняка находился ресторан, висели грубые сетчатые гардины, которые начиная с семи часов несколько раз заметно шевельнулись. Эд старался сидеть прямо и вместе с тем непринужденно. С моря потянуло ветром. Дверь распахнули, закрепили крючками створки; человек, который это проделал, не обратил на Эда внимания. Рубашка его сияла белизной. На мгновение Эд увидел овальные очки в металлической оправе и кустистые черные усы. Человек подошел к доске, стер вчерашний стейк на гриле и мелом написал на темной, еще влажной полосе: суп из бычьих хвостов.

– Рембо!

Кто-то окликнул, и Эд вскочил, чтобы ответить, совершенно машинально, он ничего не мог поделать, во всяком случае в первую секунду, в голове громыхали книжные запасы: «Пьяный корабль» Артюра Рембо в вольном переложении на немецкий Пауля Цеха...

– Рембо! – еще раз донеслось из «Отшельника», и Эд сообразил, что окликали усатого кельнера.

Минул почти целый час, прежде чем в дверях появился другой мужчина, поменьше ростом, и некоторое время пристально глядел в его сторону. Лицо оставалось в тени. Что-то в его осанке выдавало, что за порог он не выйдет. Потом он неопределенным жестом приподнял руку, именно приподнял, не то приветствуя Эда, не то прогоняя прочь. Эд встал, а мужчина, хотя был еще в нескольких столиках от двери, заговорил, да так громко, будто на террасе собралось полсотни людей, которым не помешает с самого начала хорошо его слышать:

– Я Кромбах, Вернер Кромбах, директор заводского дома отдыха «У отшельника».

– А я Эдгар Бендлер, – поспешил представиться Эд, в спину заторопившегося директора, и ускорил шаг. Они пересекли ресторан; коренастый мужчина казался спортивным, лоснящийся овал небольшой ухоженной лысины захватывал затылок, волосы по бокам седые, коротко подстриженные. Краем глаза Эд заметил стойку и чугунную кассу. Они вошли в крохотную контору, директор ловко протиснулся за письменный стол, стал в позу и протянул Эду руку:

– Садитесь, пожалуйста, господин Бендлер.

Ничто в его облике не выдавало ни недоверчивости, ни презрения. Он взял у Эда удостоверение, открыл, перелистал, несколько раз проведя ладонью по высокому лбу, словно то, что он там видел, было, по сути, уже излишне, и наконец спросил, здоров ли Эд.

На столе у Кромбаха стояла допотопная пишмашинка марки «Торпедо», рядом серый телефон и фотография, изображавшая его у входа в большое, сверкающее медью здание – легендарный «Палас-отель», построенный шведами; где бы и когда бы в стране о нем ни заходила речь, кто-нибудь непременно бурчал: «Шведами!..» На фото директора окружало множество женщин и мужчин в костюмах официантов или в форме гостиничных служащих, один лишь Кромбах был одет почти так же, как сейчас: бледно-розовая летняя рубашка с винно-красными запонками, легкий пиджак в светло-коричневую клетку и платок на шее, возможно шелковый. Недоставало только галстука.

– Ничем не болеете?

Эд поднял глаза, Кромбах пристально и серьезно смотрел на него.

Вероятно, он понял вопрос превратно. Не догадывался, куда клонит Кромбах, и на всякий случай молчал. Решил в любом случае быть подходящим. Откуда Эд прибыл и чем до сих пор занимался – вопросы Кромбаха, заданные как бы невзначай, будто того требует некая инструкция, которая самого Кромбаха особо не интересует. В послужном списке Эда значилось, что он учился на каменщика, и он так и сказал.

– То есть квалифицированный рабочий-строитель, – поправил Кромбах. – Стало быть, штукатурные работы, кладка стен, бетон, опалубка и прочее, затем учеба в университете, германистика и история, с целью стать учителем, как я полагаю, обычное дело, а дальше тоже как обычно?

Ответить Эд не успел, Кромбах уже заговорил об острове и своем *ресторане*. Голос его изменился, стал тихим, как бы не от мира сего:

– Мы тут находимся на особом положении, в особых условиях, со всех точек зрения, но вы, господин Бендлер, наверняка отдадите себе в этом отчет, иначе вас бы здесь не было. Во-первых, режим течений. Постоянное обрушение и медленное изменение берега, где некогда выстроили этот ресторан, без малого восемьдесят лет назад, на камнях старинного скита, на фундаментах, оставленных нам отшельником...

Перейдя от медленного, неудержимого исчезновения острова в просторах Балтики к истории отшельника, директор словно забыл про Эда. Долго распространялся о человеке по имени не то Эттерсберг, не то Эттенбург, которого с теплотой в голосе называл *исконным отшельником*, о человеке в длинных одеждах, что «все время расхаживал меж гимнастическими снарядами и усадьбой, душевой и библиотекой...».

Эд рассеянно наслаждался убаюкивающей мелодией кромбаховской речи. Директору явно нравилось употреблять морские выражения; каждый из сотрудников был для него членом «команды», а себя он временами именовал «капитан».

– Вы же видели? Глыба за глыбой отрывается от острова и сползает в эту дивную бездну, поистине природный театр, когда-нибудь и «Отшельник», *наш ковчег*, тоже отправится в путь, однажды ночью, может, уже в один из следующих штормов, прямоком в открытое море, с пассажирами и командой, вот тогда-то очень важно... понимаете?

На самом деле контора была всего-навсего темной клетушкой, потолок которой за спиной у Кромбаха круто понижался, так что у стены помещение не превышало метра в высоту. Там располагался диван-кровать, застланный покрывалом. Слева от Эда стоял шкаф. В верхней, открытой части громоздились стопки жестянок с сигарками марки «Даннеман-Бразиль», полкой ниже выстроились два-три десятка маленьких темных бутылочек, этикетки не различить. На стене над шкафом красовался иллюминатор с видом на полосатые бежевые обои. Только теперь Эд сообразил, что в конторе нет окна. Судя по шумам, ее устроили прямо под лестницей на верхний этаж. Вне всякого сомнения, чулан, обыкновенно в

таких держат инвентарь, метлы, тряпки и тому подобное. Рядом с иллюминатором рядом развешены витринки со сложными морскими узлами, похожими на посеревшие за стеклом сердца, их извивы словно вечные загадки...

– ...и «Ифигении»? – спросил директор.

Эд замялся, но запасы не подвели, маленький генератор выживания сработал.

– Верно, именно эта пьеса!

Эд кивал всякий раз, как директор скользил по нему взглядом. На самом деле он с трудом следил за речью, которую Кромбах, видимо, считал таким введением. Может статься, эти фразы произносились уже много раз. Несмотря на необычное содержание, в них сквозило что-то затертое, но и греющее, уютное, и клетушка была этому вполне под стать. Через четыре дня после прыжка (нет, он не прыгнул) Эд с удовольствием сидел в этой крошечной конторе и слушал рассуждения директора. Да, ему хотелось удрать, скрыться, побыть в уединении, но не в одиночестве. Мягко журчащей речи Кромбаха было достаточно, он чувствовал себя защищенным. Вдобавок запах, наполнявший клетушку, запах далеких времен, сильный, терпкий; казалось, он исходил от самого Кромбаха, от гладкой кожи, обтягивавшей его череп и будто только что смазанной, а может, и от бутылок в шкафу...

– Ну ладно. Почему вы здесь, господин Бендлер?

Я слишком далеко высунулся из окна, мелькнуло у Эда в голове. Лишь сделав над собой усилие, он выговорил свою фразу, по недосмотру в первоначальном, неподходящем варианте:

– Я ищу работу, но с жильем.

Кромбах набрал в грудь воздуха, повернулся в конторском кресле боком к Эду, взглянул на посеревшие сердца.

– Ничего страшного. На этом стуле еще никому не приходилось извиняться *за это*, напротив, это как бы условие. Моя команда, поверьте, люди очень разные, и в эту контору их привели очень разные дороги, однако покуда еще никого здесь не встречали в штюки только потому, что его вышвырнул материк. Разные дороги, но в конечном счете всюду одно и то же. Все знают и понимают, что однажды ставится точка. Остров принял нас. Мы нашли здесь свое место, и в случае чего сезы выручают один другого. Хотя в нашей команде, – он широким жестом обвел письменный стол, едва не задев рукой о стены, – речь идет о куда большем, и в этом мы все согласны...

Директор опять повернулся к Эду лицом и сунул палец в наборный диск телефона. При этом он смотрел на Эда, словно тот теперь должен еще и назвать свой номер.

Без сомнения, пришло время внести свою лепту. Как-нибудь намекнуть, что он выполнит (во многом негласное) условие, обронить фразу-другую насчет своей прошлой жизни, рассказать собственную историю, которая, кстати, не имела касательства к злобе и вышвыриванию, скорее уж к трамваю.

Палец директора шевелил диск, нетерпеливо – легкий постукивающий шумок.

– Стало быть, здоровы?

– Да, да, здоров, насколько мне известно... – Вопрос смутил Эда.

– Здоровы, но медицинской справки нет?

– Медицинской справки? – Эд никогда не слышал о необходимости подобного документа.

– Здоровы, но ни справки о проживании, ни регистрации не имеете?

– Нет, я хотел...

– Здоровы и свободны от прошлого, как все мы здесь?

Кромбах тихонько рассмеялся и бросил беглый взгляд на посеревшие сердца; с ними он, похоже, особенно дружил. Внезапная откровенность покорила Эда.

– Я имею в виду, никаких особо серьезных заболеваний в прошлом, так?

– Никаких. Как-то раз сломал руку, левое запястье, сложный перелом, упал, карабкаюсь вверх по шесту, мне было девять, на каникулах предстояли соревнования, но утром...

Кромбах смотрел на него спокойно и с недоумением, и Эд умолк.

– Никто не знает, что ты здесь?

– Никто, – ответил Эд, посчитав переход на «ты» своего рода авансом.

– Ты никого не предупредил, так?

– Так.

– И приехал один?

– Да.

– Как долго можешь пробыть?

– Все лето?.. – На миг Эд увидел перед глазами календарь, с датой возвращения к осеннему семестру, и чуть ли не устыдился. За дверью слышалось дребезжание посуды. Судя по шагам и голосам, убирали после завтрака – звуки были вызывающие, наглые. На него пахнуло чужбиной, страхом сделать шаг в неведомое.

– Лето, стало быть. Может, и осень?

– Да, может.

– Может? – Кромбах хмыкнул. – Прошлый год у нас тут были трудности, проблемы, я не преувеличиваю. Мы теряли людей, по-разному, к примеру, последний мороженщик... – Кромбах тяжело вздохнул. – А почему ты сюда подкрался?

– Подкрался?

– Явился с тылу, с берегового обрыва, а это путь долгий, утомительный, два часа по каменистому пляжу, да еще и с дорожной сумкой!

– Я...

– Ладно, ладно. – Директор как бы вдруг устал. Едва не разорвав по сгибу, согнул в обратную сторону Эдово удостоверение, пластиковая обложка которого и так уже дышала на ладан. А потом кончиками пальцев просто уронил его в невидимый для Эда ящик стола. – Останешься до возвращения Крузо. Привыкнешь к работе, а там видно будет. Жилье, бесплатное питание, заработок – две марки в час. Как насчет мытья посуды? При соответствующей сноровке, как я уже говорил. Все прочее... Обо всем прочем позднее.

Эд кивнул и опустил взгляд. Полуботинок Кромбаха стоял на дырчатом кожухе железнодорожного обогревателя. И внезапно он узнал запах – отцовская туалетная вода, ежеутренняя, ежевечерняя: «Экслепен».

Комната

Комната, где Эд расположился тем утром, казалась обжитой. На умывальнике – зубная щетка в высохшей пасте. В зубном стакане – очки. Постельное белье несвежее. Простыня в бугристых складках, сероватая складчатая грядка, от которой шел кисловатый запах... Эд нагнулся над постелью, прислушался – тот самый адский напев на поворотах, очень тихий, очень далекий. Г. махала рукой, трамвай совершал последний рейс, в голове гремели стихотворные строки.

Поначалу Эд с трудом представлял себе план «Отшельника», его внутренние взаимосвязи и различные соединения между помещениями. Число и положение комнат долго оставались для него загадкой, в сущности, казалось невозможным втиснуть их все в двухэтажное здание, которое на открытках «Подлинного фото» фирмы «Райхенбах. Фото и родина» (у стойки, двадцать пять пфеннигов за штуку) производило довольно скромное впечатление – во всяком случае, не корабль, не миссисипский пароход. Скорее небольшая горная гостиница, лесной домик с обшитыми деревом щипцами и пристройками со всех сторон, вместо кожухов пароходных колес. Так или иначе, перед внутренним взором Эда все комнаты выходили на море. Может, оттого, что «Отшельник» был день и ночь окружен плеском; волны беспрестанно наводняли зрение и слух, шлифовали, преобразовывали. Заключенные в этом шуме, мысли приспособлялись к прибою, к приливам и отливам.

Сперва Кромбах повел его на заднюю сторону дома. Узкая, низкая дверь. Отдельный вход, а сразу за ним лестница наверх, в комнаты. Эду вспомнилась лестница для прислуги в доме его детства, отчего он и высматривал тросики от звонков вроде тех, что вели из спальни деда и бабушки в каморки прислуги. Уже не один десяток лет каморки пустовали, но дед все равно ухаживал за дорогими механизмами и временами с удовольствием проверял их работу, особенно в присутствии Эда. Ребенком Эд был уверен, что они услышат, что звон маленьких ржавых колокольчиков на конце тросиков каким-то образом снова *вызовет* давно умерших слуг; как только погаснет свет, в передней начнется костяное шарканье, потом костяной стук в дверь спальни и наконец зов: «Да, барин, да, иду».

Ключ не нужен, сказал Кромбах, дверь на ночь не запирается, она вообще всегда открыта, и сей факт, кстати, один из тех, что важны для «Отшельника» и его предназначения. Эду опять показалось, что он чего-то не понял, какого-то значения или условия, скрытого в словах «сез» или «Крузо».

Дверь была на пружине и сама закрылась, пока они поднимались вверх по лестнице. Кромбах открыл Эдову комнату, и их тотчас захлестнула волна спертого воздуха, сладковатого, жирного воздуха, ощутимого на коже. Директор тихонько чертыхнулся, в два шага пересек комнату, рывком отодвинул шторы и распахнул окно. На миг сплошной поток – ослепительный блеск, переходящий в серебро, а затем в спокойную чистую голубизну. За окном исполинское тело моря, могучее, многообещающее.

– Одна из лучших у нас, – сказал Кромбах.

Мансардная комната, прямо возле лестницы. Направо и налево в глубину мансардного этажа уходил коридор с прочими дверьми. Справа от двери шкаф, за ним умывальник – широкая, неуклюжая раковина, два серых пластмассовых крана. У окна ночной столик и лампа. Ни стула, ни стола. Кровать под скосом крыши.

– Постельное белье в конце коридора, у Моники. А завтра утром, в восемь, явишься на кухню, к коку Мике, – тихо проинструктировал Кромбах и исчез.

Лишь спустя несколько дней Эд узнал, что Моника, или Мона, как ее называли, была дочерью Кромбаха. Ее запах начинался в последней трети коридора, в конце которого находилась дверь в ее маленькую квартирку. Члены команды прозвали ее Невидимочкой. Она

занимала должность горничной, хотя за номерами почти не следила. Зато стирала все, что можно, и переносила свой приятный запах на постельное белье, полотенца и скатерти, отчего казалось, что она все время рядом.

Собственная Эдова дверь тоже не запиралась, но он особо об этом не задумывался. Был уверен, что нынешним летом (а может, и осенью и зимой) для него просто не может быть места лучше; только теперь он вдруг вспомнил про свою сумку.

На террасе собралась группа отпускников. Одни пили кофе, другие – пиво и смотрели на море. Кто-то перевернул Эдовы книги и подвинул подальше на солнце, чтобы просохли. Ничего не пропало. На его столе стоял обильный завтрак: копченая колбаса, кусок сыра и порция фруктового мармелада, который словно бы светился изнутри. Он огляделся по сторонам, кельнер – тот, по имени Рембо, – кивнул ему. Недоставало кофе, но спросить Эд не осмелился. Когда он вернулся в комнату, на подушке лежало свежее постельное белье, старое исчезло. Он вполголоса сказал в коридор «спасибо», прислушался. Попробовал представить себе Монику. Крохотная женщина, черные волосы, возможно заплетенные в косу. Едва застелив постель, Эд рухнул на кровать и уснул.

Теперь бедуины с такой силой тащили верблюда (зажав к кулакам складки его кожи), что бедняга стал плоским, широким, под стать пустынному горизонту. Вон как они используют животное – вместо ковра-самолета. «Бедуины подготовили верблюда к старту, – проворчал рассказчик. – Струя песка ударила им в темные очки, но то было лишь начало долгого путешествия».

Проснулся Эд уже вечером. Обои над головой лупились как обгоревшая кожа. Весь кровельный скос был усеян остатками раздавленных насекомых. Некоторые пятна с кровавым хвостиком, наподобие комет. Иногда кровь была разбрызгана вокруг, словно от крошечного взрыва. Эду вспомнилась его первая комната с луной над кроватью, звездами и песочным человечком, который с крепко затянутым мешочком песка, на красивом чистеньком велосипеде «Диамант» катил по холмам в темно-синей ночи. У самого Эда позднее тоже был велосипед, но всего-навсего «МИФА», складной, можно сунуть в багажник или еще куда-нибудь. В его детстве все было *практичным*. «Как практично!» – наивысшая похвала: складной велосипед, складная кровать (на день она откидывалась к стене, притворялась шкафом) и одежда, которой износу не было.

Несмотря на грязь и запах, Эд чувствовал себя в новом жилье защищенным. Других такая комната, может, и привела бы в уныние, думал Эд, а для меня в самый раз, то, что надо. Он был полон ожидания радости, но вместе с тем боялся спастись.

Кровать – тяжелый каркас из ДСП, отделанный светлым шпоном, матрас продавлен, в этой ложбине Эд чуял сон своих предшественников, что ему отнюдь не мешало. Только подушка никудышная, нутро сбилось комом. Ничего, вместо нее сойдет и собственный пуловер, как и в предыдущие ночи. Эд гордился этими ночами. Встал и забросил каменную подушку на шкаф, сию же минуту в воздух поднялась туча пыли. Когда он открыл шкаф, дверца начала плавиться изнутри, темными волнами. Сперва это был сон, но уже секунду спустя Эд принялся колотить по текучим волнам – со всей силы, громко, едва не расколов в щепки тонкую фанеру. Потом все кончилось, Эд замер, запыхавшись, с жутким сердцебиением. К подошве ботинка прилипла единственная жертва. Точнее, ее половина, задняя часть тельца была расплющена, тогда как передняя еще пыталась уползти. Из пяти десятков тараканов он уложил только одного. Только одного, думал Эд.

Луковица

Пятнадцатое июня. Работа была ему незнакома, получалось неумело, неловко. Но никто не подходил, чтобы показать или объяснить, когда он ведро за ведром углублялся в тайну луковиц. Испытательный срок, думал Эд, в этом дворе, на этом острове. Он пытался припомнить, как управлялась мать, как быстро и ловко орудовала резачком, острым, как бритва, ножиком с рукояткой из побелевшего дерева и лезвием, от которого осталось в ширину лишь несколько миллиметров; он подражал матери, отчаянно копировал ее позу, ее движения.

Работал Эд на воздухе, на задворках «Отшельника», за одним из столиков-кормушек. Прямо под окнами судомойни, заскорузлыми от жира и паутины. Судомойня – довольно длинная, покрытая серой штукатуркой пристройка с задней дверью, которая выходила на небольшой квадрат погрузочной платформы. Временами оттуда долетали голоса и какие-то певучие звуки, которые Эд не мог распознать, и почти непрерывно слышался дребезжащий звон посуды, перемежающийся подводным лязгом, вероятно от столовых приборов, перекачиваемых по дну какого-то таза. Когда наступала тишина, они, наверно, наблюдали за ним, видели неподвижный контур его затекшей спины, не совсем уж юный авантюрист в обрезанных до колен джинсах и красной майке с широченными проймами, – наверно, даже посмеивались. Волосы он отвел за уши и закрепил обтрепанной налобной повязкой, только она все время съезжала; солнце палило прямо в лицо. Никто ему не сказал, что лучше сесть в тени, причем, конечно, не во дворе, а под сосной, поближе к берегу, где глаза всегда обвевал ветер. Уйти со двора по собственной инициативе он бы никогда не рискнул. Хотел быть частью команды, и не только на внешнем рубеже. А в первую очередь хотел показать, что умеет работать, вынослив и дисциплинирован. Семь ведер за первый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.